

А.Ю.Мережинская

Киевский национальный университет

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ: “МАСТЕР И МАРГАРИТА” М.БУЛГАКОВА

Одной из граней новаторства гениального романа М.Булгакова является формирование в рамках его художественной системы особенностей нового стиля – постмодернизма, активно заявившего о себе в американской и западноевропейской литературах лишь в 60-е годы, но восходящего своими истоками к концу 30-40-х гг., творчеству Х.-Л. Борхеса, Д.Джойса. Некоторые исследователи относят формирование постмодернистской парадигмы в русской литературе к более раннему периоду: 30-м гг., усматривая ряд черт стиля уже в произведениях О.Мандельштама, К.Вагинова, Д.Хармса [5, с. 17]. Однако именно “Мастер и Маргарита” может быть рассмотрен как ориентир в процессе формирования новой мировоззренческой и художественной парадигмы, которую многие исследователи склонны считать определяющей в культуре 2-й пол. XX в.

С позиций постмодернистского мировосприятия “Мастер и Маргарита” “прочитывается” литературоведами, философами и культурологами как современное и актуальное произведение. В его рецепции начинают доминировать особенности, возможно, не замеченные читателями первой публикации. Эти специфические черты рассматриваются исследователями как бы на двух уровнях: первый – организации текста, характерных приемов; второй, более широкий – реализации новых интенций, интерпретаций мира и культурного кризиса XX ст. Так, В.П.Руднев относит роман к постмодернистской литературе по формальным показателям: насыщенности интертекстами (выявление литературных источников “Мастера и Маргариты” до недавнего времени было доминирующим направлением в булгаковедении), реализации модели текста в тексте, осуществлению идеологии семантики возможных миров, свободному использованию мифа [9, с. 159-160].

М.С.Каган выводит решение вопроса в иную плоскость – формирования в рамках романа новаторского мировосприятия с характерным для постмодернизма полифонизмом, синтезированием различных культурных языков. Роман, по замечанию ученого, соединяет классическую и модернистскую ментальную системы и “достигает такой полифонической многомерности постижения бытия, какой не знала ни классическая, ни модернистская литература. Это открытие является в точном смысле явлением постмодернизма”[4, с. 528].

Принципиальное новаторство, связанное именно с постмодернистским способом постижения мира, видится исследователям в полифоничности “Мастера и Маргариты”, в соединении различных культурных традиций, на пересечении которых, по мнению Ю.Мамлеева, только и могут быть найдены в XX в. ответы на фундаментальные вопросы о мире и человеке. В философском трактате “Судьбы бытия” писатель рассматривает “Мастера и Маргариту” как важнейшую веху в формировании новых представлений о мире. За ней следуют другие, также возникшие в точках пересечения культур. “Если великому Булгакову удалось создать роман века (“Мастер и Маргарита”), где современная цивилизация сочетается с европейским средневековым космосом, то Анатолию Киму удалось совместить современную жизнь и буддистскую космологию”[6, с. 174]. Таким образом, определены конкретные художественные ориентиры, ассоциирующиеся уже не только с постмодернизмом, но и с новыми путями решения фундаментальных вопросов в русской литературе XX в., с направлением художественных поисков.

Как видим, исследователями были отмечены некоторые общие особенности, роднящие “закатный” роман Булгакова с принципами постмодернистского мироощущения, с составляющими новой художественной парадигмы. Безусловно, проблема изучена пока недостаточно, в частности, в силу того, что представления о сущности постмодернизма меняются. Непроявленным остается и один из важнейших ее аспектов, связанный со своеобразием русской “модификации” (И.Скоропанова [10]) постмодернизма, которая, безусловно, имеет свою специфику и далеко не во всем следует западным образцам.

Булгаков стоял у истоков русской “модификации”, и в его романе сформировался не только ряд общих для данного стиля признаков, но и возникли специфические черты, характерные для того художественного явления, которое сейчас ученые пытаются обозначить как “восточно-европейская модель”, “славянский вариант” постмодернизма (О.Веретюк [1]). Выделение типологических черт данного явления представляется актуальной задачей.

Особенности русской версии постмодернизма проявились в романе М.Булгакова на фоне общих для постмодернистского мировосприятия черт: полифонизма, восприятия мира как многомерного, сближения исторических эпох, иронического отношения к тому, что постмодернисты называют “метарассказами”, – то есть к любым “объяснительным системам”, по Ж.-Ф. Лиотару, в круг которых входит “религия, история, наука, психология, искусство” [3, с. 229]. Действительно, М.Булгаков, как и современные писатели-постмодернисты, подвергает активной деконструкции базовые идеи Нового времени: прогресса, направленности и контролируемости социальных перемен и моделирования разумным человеком своей собственной судьбы по определенному плану. При

этом, как и писатели 80-90-х (например, Умберто Эко в "Имени розы"), Булгаков обращается к приему сближения исторических эпох, который ярко демонстрирует несостоятельность идеи прогресса. Так, в "Имени розы" средневековье "прочитывается" как современная эпоха именно потому, что качественный прорыв в развитии человечества, по мнению автора, не осуществился. По словам Фольмера, "время, вновь привыкающее к апокалиптическим представлениям, время, в котором идея прогресса – эта секуляризованная версия Спасения – выглядит более чем сомнительной, не спешит уже третировать Средневековье в качестве проходного эпизода на пути к лучшему миру"[2, с. 18].

В "Мастере и Маргарите" сближение эпох также ставит под сомнение идею прогресса. Москва 30-х гг., то есть "новый мир" с его претензией на построение рая на земле силами человека, оказываются настолько зловещими, что темной силе ничего не остается как творить благо. Сам же человек, по меньшей мере, не изменился и вдобавок "испорчен" "квартирным вопросом". Булгаков к традиционному в постмодернизме пересмотру идей Нового времени добавляет решение идеологических задач, в частности, разрушения советских идеологических мифов. Эта особенность характерна для многих русских постмодернистских произведений 70-80-х гг., она зафиксирована исследователями, подчёркивающими повышенную, по сравнению с западными образцами, политизацию текстов "восточной" модификации [7]. К концу 90-х политизация, как представляется, теряет свою актуальность.

На фоне общих для постмодернизма интенций (например, пересмотра базовых идей Нового времени, адогматизме, преобладании иронии) еще ярче проявляется специфика "Мастера и Маргариты". Ее истоки видятся в том, что роман ориентирован на национальные культурные константы. Они, во-первых, не подвергаются ироническому переосмыслению (заметим, по мысли Д.Затонского, в западном постмодернизме ирония становится тотальной, а пародирование – уже больше, чем прием, это – "философия отношения к жизни" [2, с. 23]). Во-вторых, вопреки хаосу "перевернувшегося" мира и острейшему ощущению идеологического и культурного кризисов, как бы заново доказывается существование универсальной ценностной шкалы.

Показателен выбор Булгаковым исторической эпохи, с которой сопоставляется современность. Это не Средневековье, обращение к которому в романе У.Эко было призвано поколебать идею прогресса, а начало и кульминация христианской истории, своего рода исток. К нему Булгаков (идуший адогматичным путем, создающий новый апокриф) пытается вернуться как к точке опоры, оси, которую утратил безбожный самонадеянный мир. То есть, основной задачей, как представляется, становится не деконструкция, не тотальная ирония, а восстановление духовной и ценностной вертикали. В соответствии с национальной традицией Россия мыслится как модель всего человечества, в данном

случае совершившего роковую ошибку, страдающего. Знаменательно, что в прозе 90-х гг. подобную трактовку находим в романах "Чапаев и Пустота" В.Пелевина, "Голова Голая" А.Королева, частично в "Укусе ангела" П.Крусанова. В этих произведениях также присутствует традиционная трактовка русской истории в inferнальном ключе (вспомним показательные слова протопопа Аввакума о том, что Россия отдана сатане), но она "переворачивается" совершенно по-булгаковски.

Знаменательна принципиальная мифоцентричность "Мастера и Маргариты". Эта особенность роднит роман с модернистской парадигмой, связь с которой, заметим, никогда не разрывалась и в современной русской постмодернистской литературе. Булгаков миф актуализирует, модифицирует его в модернистском духе, то есть, как и другие писатели, "переворачивает" (М.Мелетинский), но не отменяет, как в постмодернизме, не "ставит на свое место", по определению В.Руднева, то есть не лишает "той сверщенной культовой роли, которую он играл в середине XX в." [9, с. 187].

Чрезвычайно показателен выбор конкретных мифов в качестве моделей концептирования новой реальности. Это, во-первых, традиционный для русской литературы эсхатологический миф, задающий "хаосу" истории (а именно так она трактуется в рамках постмодернистского мировосприятия) векторность развития и возвращающий ей смысл. По модели этого же мифа с использованием архетипа крестного пути создается образ центрального героя – мастера. Во-вторых, это модернистский миф о творческой личности, создающей гармонию в мире "хаоса" или, по Булгакову, гениально "угадывающий" истинный смысл бытия. Это — доминирующие мифы (хотя мифологических источников, в том числе и литературных, у романа много). Оба они связаны с представлениями о мироупорядочении ("все будет правильно", – сказано в романе), которое получает различные трактовки, в том числе и высшего суда, очищения, возрождения. Эти представления противоположны деконструкции и связаны с активными поисками выхода из глобального культурного кризиса. По этому пути идет и современная русская и украинская постмодернистская проза, ориентированная на поиски центрирующих идей [8].

Отказ от десакрализации мифа, уничтожения его онтологического, экзистенциального измерения связаны с актуализацией концепта "вечности", становящегося критерием оценки современности, и конкретной личности. Как отмечали исследователи, вне суда дьявола оказываются носители части "вечности": мастер, воплощающий идею истинного творчества, и Маргарита, реализующая идею любви и гуманизма. Эти ценности не подвергаются ироническому пересмотру, они трактуются как абсолютные, что можно рассматривать как проявление интенции противоположной современным постмодернистским устремлениям к отмене "трансцендентальных означаемых"

(Ж.Деррида).

В романе выстраивается четкая аксиологическая шкала, на которой (в противовес как официальной идеологии тоталитарного государства, так и некоторым философским системам Нового времени) акцентируются христианские ценности и те, что связаны с реализацией самодостаточной личности (внутренняя свобода, бесстрашие, творчество, любовь, сострадание). Эта традиция, отражающая цивилизационный код русской культуры, продолжена в 90-е гг. Даже в самых "радикальных" текстах остаются зоны, свободные от иронии, связанные именно с утверждением экзистенциальных ценностей (напр., в "Пяти реках жизни" Вик. Ерофеева), либо утверждающие существование духовных ориентиров доказывается апофатическим путем (В.Сорокин, В.Тучков, натуралистически "терзая" тела своих героев и эпатуруя читателя, ставят вопрос о сущности человека, не исчерпывающейся телесностью, инстинктом). Эта цель реализуется и через характерное для русской христианской традиции юродство (прием, используемый чрезвычайно широко: от "поэмы" Вен. Ерофеева до романов В.Пелевина). Пафосом бессмертия "вечности" (если перевернуть знаковую формулу "вечность умерла" из "Generation П" Пелевина, опровергаемую в самом же романе) пронизаны и "Подлинная история зеленых музыкантов" Е.Попова, и "Перверзия" Ю. Андруховича.

Важнейшей особенностью "Мастера и Маргариты" становится восстановление связи человека с Абсолютом, трактуемым очень свободно, недогматично по форме. Эта связь с Абсолютом (то есть с отмененным "трансцендентальным означаемым") относится к "вечному", утраченному современным человеком, который ощущает внутреннюю пустоту, "исчезновение" реальности, растворение ориентиров самоидентификации. Ностальгия по утраченному описана во многих романах 90-х гг.: в "Generation П" Пелевина, "Жизнеописании Хорька" П.Алешковского, "Свободе" М.Бутова и др.

Таким образом в "Мастере и Маргарите" предугаданы многие тенденции развития русской постмодернистской прозы и определяющие специфику "восточной" модификации постмодернизма. Среди них: восприятие мира как многомерного, полифонического, находящегося в кризисной фазе развития, но склонного к самоорганизации, восстановлению ценностной шкалы, духовной вертикали, связи человека с Абсолютом. Характерно создание нового мифа о России на основе базового эсхатологического и последовательное разрушение вторичных идеологических мифов. Типичен и неполный разрыв с модернистской парадигмой. Данные особенности в модифицированном виде и независимо от прямого влияния "Мастера и Маргариты" отразились в русской постмодернистской прозе 90-х гг.

1. *Веретюк О.М.* Три моделі постмодернізму: Анжела Картет, Мануеля Гретковська, Юрій Андрухович // *Наук. вісник кафедри ЮНЕСКО Київ. держ. лінгвістичного ун-ту [лінгвапакс – VIII]*, 2000, вип. 3. – С. 414-418.
2. *Затонский Д.* Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. – М.-Харьков, 2000.
3. *Ильин И.П.* Метарассказ // *Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник.* – М., 1996.
4. *Каган М.С.* Эстетика как философская наука. – СПб., 1997.
5. *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература: Нов. учебник по литературе в 3 кн. Кн. 1. Литература "Оттепели" (1953-1968). –М., 2001.
6. *Мамлеев Ю.* Судьбы бытия // *Вопросы философии.* – 1993. – №10.
7. *Маньковская Н.* Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.
8. *Мережинская А.Ю.* Художественная парадигма переходной культурной эпохи: Русская проза 80-90-х годов XX века. – К., 2001.
9. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. – М., 1997.
10. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. – М., 1999.

Summary

This article deals with the peculiarities of Russian postmodern literature. The sources of Russian postmodernism are investigated in prose of M.Bulgakov. The modification of the "Western" types of characters in the postmodern prose was elected and described.

Стаття надійшла до редколегії 25.06.2001.